

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЗМЕЯ В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА

Статья посвящена одному из довольно распространенных фольклорных образов, образу змея, и его интерпретации в Уральских сказах П. П. Бажова. Особое внимание уделяется змеиному царю Великому Полозу. Затрагивается образ дочери змеиного царя, девушки с длинной золотой косой, Золотой волос.

К л ю ч е в ы е с л о в а: змей; Великий Полоз; Бажов; мифология; Уральские сказы.

The article is devoted to one of the quite common folk images, the image of the serpent, and its interpretation in the Ural tales of P. P. Bazhov. Particular attention is paid to the snake king, the Great Poloz. The image of the daughter is being considered of the serpent king, a girl with a long golden braid, the Golden hair.

К e y w o r d s: serpent; the Great Poloz; Bazhov; mythology; the Ural tales.

Произведения русского фольклора уже около двухсот лет рассматриваются учеными как основа авторского творчества в сфере художественной литературы и в различных формах бытования массовой культуры более позднего времени. Работы многих писателей в концептуальном, сюжетном и текстовом отношении обнаруживают очевидное влияние фольклорного прототипа; эту особенность отмечают исследователи творчества В. А. Жуковского, Ф. М. Решетникова и многих других писателей, в том числе П. П. Бажова – уроженца уральского края, знатока местных устных преданий, составивших основу сказов его сборника «Малахитовая шкатулка» (1939 г.).

Темой нашего исследования является языковая репрезентация мифопоэтического образа *змея* в сказах П. П. Бажова. Образ этого пресмыкающегося в культурных традициях разных народов довольно подробно описан в научной литературе. В частности, это монография А. В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции», в которой подробно рассматриваются

мотивы змеиного царя и летающего змея, а также мужская и женская символика этого образа [2, с. 273–357]. Это классический труд В. Я. Проппа об исторических корнях волшебной сказки, подчеркивающий сложность и многоаспектность фольклорного образа змея [4, с. 304–320]. Это указатели сказочных сюжетов, в частности, работа Н. П. Андреева, сориентированная на систему каталогизации сюжетов А. Аарне [1, с. 120]: мотив змеборства, по мнению автора этой работы, является одним из самых частотных в 50 фольклорных традициях; кроме того, частотными оказываются мотивы спасения от змея сестры и братьев и мотив подаренного змеей волшебного кольца. Показательна внутренняя форма слов *змея* и *змея* в русском языке: этимологи соотносят их со словом *земля*, подчеркивая табуистический характер названия ползающего по земле пресмыкающегося [5, с. 100] – подобные названия давались тем, кто представлял угрозу, чье имя опасно было называть вслух (ср.: *медведь* [5, с. 589]). Толковые словари русского языка свидетельствуют о том, что вслед за фольклорной традицией за разными родовыми формами закрепились разные значения: существительное женского рода *змея* называет «ползучее пресмыкающееся с удлинённым чешуйчатым телом, не имеющее конечностей», а существительное мужского рода *змея*, устаревшее и народно-поэтическое, сохраняет значение «крылатое чудовище, дракон» [3, с. 231].

Чтобы рассмотреть образ *змея/змеи* в сказках П. П. Бажова, обратимся к выводам, характеризующим этот образ в славянской фольклорной традиции – опираясь на уже упомянутые исследования В. Я. Проппа и А. В. Гуры. В монографии «Символика животных в славянской народной традиции» А. В. Гура рассматривает змея как самый яркий, многозначный и полифункциональный образ в классе животных «Гады». Место пребывания этих животных – земля и подземный мир (хотя они способны оказаться в воде и в воздухе). Хтоническая природа змей определяет многообразие их фольклорных характеристик. Обращает на себя внимание амбивалентность змеиного образа: сосуществование в нем мужского и женского начал, нечистой, дьявольской природы и способности помогать человеку, связь с целым комплексом предметных символов – длинных и гибких предметов, а также многочисленность ритуалов изгнания змей (от утешения до задабривания). Змеиный образ отличает исключительная живучесть/бессмертие, мудрость, способность исцелять человека и принимать его облик, а также повелевать миром других хтонических существ. Змеиный царь или царица выделяются особым атрибутом (корона или драгоценный камень на голове), несколько раз в году они созывают всех змей и раздают им указы. Это происходит обычно на Иванов день [2, с. 293–298].

Посмотрим, как эти черты представлены в сказках П. П. Бажова. Основу нашего анализа составили четыре сказа: «Голубая змейка», «Про Великого Полоза», «Змеиный след» и «Золотой волос». Все эти сказки объединяет мотив оборотничества: Великий Полоз оборачивается мужчиной в годах, Голубая змейка – женщиной или девчонкой. В текстах всех сказок фиксируется момент перехода между животной и человеческой сущностями этих образов: «*И вот видят ребята – человека того уж нет. Которое место до*

пояса – все это голова стала, а от пояса шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная» [6, с. 210–211] «Девчонка от земли отстала, а все пряменько стоит. Потом еще вытянулась, потончала, медяницей стала, перегнулась Костьке через плечо, да и поползла по спине» [6, с. 222]. В описании внешнего образа человека-змея подчеркивается его «иная» сущность. Это необычность и богатство костюма: «...незнакомый какой-то и одет не понашенски. Кафтан это на ем, штаны – все желтое, из золотой, слышь-ко, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, также из парчи, только с зеленью. Шапка желтая, а справа и слева красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнешь их. Только глаза зеленые и светят, как у кошки. А смотрят по-хорошему, ласково» [6, с. 209–210]. Это гибкость, подвижность и невесомость: «Одно показалось им непривычным: идет, как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели – ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой – черное» [6, с. 273]. Это готовность помочь человеку, который пройдет испытания, проявит добрый нрав и бескорыстие: «из правого рукава золотая струя бежит, из левого – черная пыль сыплется» [6, с. 269]. Рассказы о волшебных змеях в социуме под запретом: «Кого не спросят... грозятся: Возьму вот прут да отвожжу обоих! Забудете о таком спрашивать» [6, с. 267].

Мотив испытания человека змеем/змеей в сказках Бажова неразрывно связан со старательским промыслом: змеи обнаруживаются там, где золото: «Одному увидеть голубую змейку прямое счастье: наверняка верховое золото окажется» [6, с. 268]; «Все золото в его власти. Где он пройдет – туда оно и подбежит» [6, с. 211]; «Прошла змея через камень, и по всему ее следу золото горит, где каплями, где целыми кусками. Много его» [6, с. 222]. Облик этого существа связан с ярким – но холодным, не солнечным – светом («И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли все кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костер-то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло» [6, с. 210–211]; «Уперлась змея головой в камень, так искры и посыпались, светло стало, глаза слепит» [6, с. 222]. Змей/змея справедлив(а). Тем, кто честен, кому нужна помощь золото показывается. Если же в месте, где добывают золото, драка, ссора или обман произошел – золото исчезает: «Не всякая, – говорит, драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от черной беды вас отгородила. Хочу еще испытать» [6, с. 273].

Как вербализуются в сказках П. П. Бажова перечисленные нами черты? Рассмотрим этот вопрос на материале текста одного из сказов – «Про Великого Полоза». Уже имя главного персонажа определяет его как змеиного

царя: автор именует его «Великим» выбирает для него родовое название ужеобразных пресмыкающихся «Полоз», внутренняя форма которого связана с общеславянским глаголом *ползти* [5, с. 314]. Текстовые характеристики Великого Полоза подчеркивают его богатство и силу: он *«всему золоту полный хозяин»*, ему дана сила *«золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать»*. Великий Полоз волен награждать и наказывать людей сообразно их поступкам: *«Полозу в здешних местах большая сила дана. Он тут всему золоту полный хозяин: у кого хочешь отберет. И может Полоз все место, где золото родится, в свое кольцо взять. Три дня на коне скачи, и то из этого кольца не уйдешь»*. Великий Полоз наказывает людей за жадность, следствием которой становится нарушение старательского братства: *«Оттого вот и бывает – найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман, либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвел золото»*; [6, с. 211].

В сказах П. П. Бажова у Великого Полоза есть дочка Золотой Волос. В описании ее образа подчеркивается необыкновенная красота, а змеиное начало обозначено наличием длинной золотой косы: *«Глядит, а за кустом на белом камешке девица сидит красоты невиданной, неслыханной, косу через плечо перекинула и по воде конец пустила. А коса-то у ней золотая и длиной десять сажен. Речка от этой косы так горит, что глаза не терпят»*. Сюжет выбора ею в женихи простого охотника во многом перекликается с сюжетами волшебных сказок других народов (например, литовская сказка «Эгле, королева ужей»).

Обобщая наши размышления о вербализации образа змея/змеи в сказах П. П. Бажова, следует сказать, что в его творчестве представлены глубинные мифологические черты этого образа, органично встроенные в систему фольклорно-мифологических представлений уральских старателей. Опыт фольклорной стилизации сказов П. П. Бажова относится к числу наиболее органичных, бережных авторских переложений фольклорного эпоса в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев. – Л. : Изд. Госуд. Русского Геогр. Общества, 1929. – 120 с.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик. – 1997. – 912 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005. – 944 с.
4. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М. : ООО «Издательство Астрель», 2004. – Т. 1–4.
6. Бажов, П. П. Сочинение в трех томах / П. П. Бажов. – М. : Правда, 1986. – Т. 1–4. – 600 с.